

Спартак МИШУЛИН:

В СУДЕ Я ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ САИДОМ!

Стиснули со всех сторон и не дают шевельнуться

— Переиграли столько ролей, снялись в трех десятках фильмов. У вас есть роли глубокого трагедийного содержания, как, например, в нынешнем спектакле Театра сатиры «Неаполь — город миллионеров». Но такой Мишулин зрителям неизвестен. Знают вас в основном по трем персонажам: пан Директор из телекабачка, Саид в «Белом солнце пустыни», да еще Карлсон. Не обидно, Спартак Васильевич?

— Нет, не обидно. Станиславский говорил: артист в своей жизни должен сыграть хорошо хотя бы одну роль. А у меня — три... Скажите другое: театральные актеры сейчас действительно не в чести. Телевидение полностью заполонила эстрада. Театральные постановки там не нужны. А ведь именно благодаря телевизионной съемке какие прекрасные остались спектакли: МХАТа, Малого, других театров. И сейчас есть замечательные, великолепные артисты, но если они не снимаются в кино, на телевидении, то людям практически неизвестны.

— Я вас хотел бы спросить об одной роли в кино, которую, к сожалению, не знает зритель, как, впрочем, и всего фильма — «Мастер и Маргарита». Только не называйте персонажа. Разрешите, я угадаю. Марк Крысобой?

— А что, похож? Нет, у меня там другая роль — директора ресторана Дома Грибоедова, человека восточного. Мне все же показали отснятый материал. По-моему, получилось. А съемки вообще были грандиозные. Но фильма целиком, как и все, не видел. Он куда-то исчез. Мистическая история. Знаете ведь, что со всеми, кто соприкасается с Булгаковым, происходят странные вещи? Юрий Кара — талантливый режиссер, но может, ему с такой говорящей фамилией не следовало браться за эту картину?..

— Месяца два назад видел вас в правительстве Москвы на совещании по жилищному самоуправлению. А потом вдруг через две недели во всех газетах — Мишулину 75 лет! Вот бы не поверил. Не верю и сейчас, даже когда разговариваю с вами... А спросить хочу вот о чем: вы больше 30 лет играете Карлсона. Насколько мне известно, в истории театральной Москвы — это единственный случай, когда спектакль идет без перерыва столько лет...

— А играю я его и поныне в том же наряде и даже тех же башмаках, в которых выступал на премьере.

— Как вам удается все эти годы сохранять легкость, непосредственность, наконец, просто необыкновенную пластичность? Я знаю только один такой пример — Жеймо, которая сыграла Золушку в 40 лет.

— Ну, почему же один? Георгий Вицин, недавно ушедший от нас, в 50 лет блестяще сыграл 20-летнего жениха в «Женитьбе Бальзамина». Просто надо уважительно относиться к своему организму. У меня это, наверное, осталось от занятий боксом. Я ведь звание мастера спорта получил раньше, чем народного артиста. До сих пор горжусь, что из трех сотен боев проиграл только один. Но, дело, конечно, не в одном этом. Карлсон — это постоянное общение с детьми. Годы ведь у них не меняются. Почему они должны меняться у меня? Дети заряжают меня энергией. А вообще нельзя уходить от молодежи — не надо чувствовать себя умнее, мудрее, опытнее, и даже нравственнее их. У них свой, не менее важный опыт. И никому не нужна наигранная солидность. Когда люди становятся солидными, они забывают, какими были. Забывают себя. Тогда и приходит старость.

— Теперь давайте перейдем к вашей работе как председателя ЖСК. Откровенно — зачем вам это нужно? Ведь, насколько я знаю, вы заняты не только в своем театре, но и в «Модерне», в Новом театре, ваше имя мелькает в антрепризах. Хватает еще времени на дом?

— Надо, чтоб хватило. Я должен следить за ним. Ведь мне не все равно, где я живу. Потому-то и борюсь за

дом, хочу, чтобы он сохранился надолго.

— Какие заботы у председателя?

— Каких нет? От подвала до крыши. В подвале была вода, крыша текла. С этого и начали — поменяли все трубы, теперь там сухо. Потом настелили новую кровлю. Поставили современную антенну — ловим 12-13 программ. Недавно взялись за подъезд. Хотите посмотреть?

Мы покидаем квартиру. Заходим в лифт. Спартак Васильевич останавливает кабину на каждом этаже, дает мне полюбоваться лестничными площадками. Чувствую, какое удовольствие ему это доставляет. Пол устлан кафелем — что ни этаж, то свой рисунок, свой цвет. Побелены потолки, в пастельные (а не привычно ядовитые) тона покрашены стены.

— Повесим еще здесь картины, поставим цветы, — мечтательно говорит он. И попутно рассказывает:

— Главное, что нам удалось, — помочь жильцам материально. Ведь у нас в доме и артисты, и врачи, и учителя — те, кого раньше называли интеллигенцией. Они и раньше зарабатывали не ахти, а сейчас состарились, совсем им стало трудно. Так вот, мы сделали так, что все они платят за квартиру незначительные деньги. Основные расходы взял на себя кооператив. Как? Сдаем нежилые помещения. За счет этого, кстати, сделали многие ремонтные работы.

Возвращаемся. В квартире его уже ждет молодой бухгалтер кооператива со стопкой платежей. Спартак Васильевич внимательно просматривает бумагу, по каждой задает вопросы. Говорит с бухгалтером на таком профессиональном языке, что я не сразу

второго этажа и первого — та, что между колоннами и стеной, — все оплачено жильцами». То есть до каждого камушка — все наше. А кто, спрашиваете, отнимает? Парикмахерская, которая поселилась на втором этаже. На мой взгляд, незаконно. Ведь площадь, которую ей продали, и, кстати, за бесценок, тоже оплачена нами.

Здесь я бы хотел сделать еще одно отступление и пояснить, о каких помещениях идет речь. Это, во-первых, пространство между колоннами, которые соединили стенкой, создав за нею нежилые площади, которые теперь сдают. Владелица парикмахерской подала иск: загрозили основную стену, я не смогу повесить там теперь свою рекламу. Видимо, ей мало того, что одна реклама уже есть — по «лицевой» части второго этажа. Но потом оказалось, что дело вовсе не в рекламе. Хозяйка салона не прочь была завладеть самими помещениями, которые создал кооператив.

Претендует она на широкую лоджию, которая проходит по всему бельэтажу. Когда-то эту лоджию сделали лишь для того, чтобы жильцы могли махать с нее флажками проходящей демонстрации (дом выходит фасадом на Садовую). Теперь торжества кончились, лоджия стала не нужна. Ее и застеклил кооператив, тоже сдал арендаторам. Издаться снова возникла парикмахерская: за лоджией — наш салон! Значит, и она — наша.

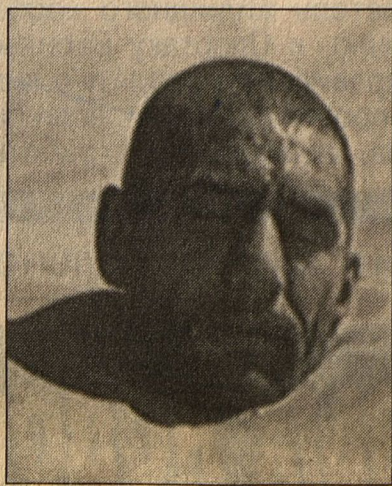
— Вот уж никогда не предполагал, что у вас будут такие проблемы. Считал, что вам все же легче, чем другим председателям.

— Так и в кооперативе думали, когда выбирали меня. Конечно, когда я бываю в разных учреждениях, узнают, улыбаются, но что с того? Знаете, как раньше было: все решал цвет карандаша. Резолюция: «Прошу помочь». И помощник видит: ах, черный карандаш, значит, не обращать внимания. А сейчас не карандаши, а улыбки. А цель та же: заморочить голову, но ничего не сделать. Какими чиновники были, такими и остались. Законы вроде бы не для них писаны. У них своя власть, и бороться с ней трудно.

— Если сравнить вашу работу председателя ЖСК с одной из трех самых популярных ролей, какой она ближе: властного Директора, которого, тем не менее, никто не слушается, и он все время попадает в просак? Или сломленного, но обреченного Саида? Или рассудительного и бесшабашного Карлсона, которого ничто не может вывести из себя, потому что он знает решение всех жизненных проблем?

— В суде — безусловно, Саид! Стиснули со всех сторон и не дают шевельнуться. Послушайте меня! У меня же все документы, на моей стороне все права. Но никто на меня не обращает внимания. Прошел все ступени: городской арбитражный суд, кассационную инстанцию — везде отказ. Я никогда не чувствовал такой беспомощности. Уже дошел до Высшего арбитражного суда. Скоро должны вынести решение. Боюсь даже загадывать. Не верю, что может что-то решиться по справедливости.

— Теперь, если можно, поговорим о вас лично. Спартак Васильевич, какие у вас пристрастия, увлечения — кроме театра, естественно, и дома? За какую команду болеете, я даже не спрашиваю.

— Ну, это ясно. Но, может, я не вполне характерный болельщик. Даже если «Спартак» проигрывает, но делает это красиво, все равно с наслаждением смотрю его игру. А выигрывает, но играет плохо — огорчаюсь. Еще увлечения? Есть собака, с которой люблю дурачиться. Звать ее — Лаврентий Павлович. Пишу песни — и стихи, и музыку, но пока в стол. Как-то не решаюсь показать на публике. Правда, недавно на телевидении прозвучала одна моя мелодия, но по моей просьбе объявили: народная. Неудобно, знаете, как-то.

Пишу еще короткие юмористические рассказы. Давно уже. Десятков пять наберется. Первый, кстати, опубликовала когда-то «Вечерняя Москва». А сейчас почему-то ими интересуются в основном американские русскоязычные газеты. Правда, одно издательство в Москве предложило их издать. Но ведь надо собрать, заново просмотреть. Не найду никак времени. Все забирает кооператив.

Задавал вопросы Исаак ГЛАН
Когда статья была уже подготовлена к печати, мы узнали, что Высший арбитражный суд встал на сторону кооператива. Его решением помещения на первом этаже закреплены за ЖСК «Дружба-16». Дом победил, парикмахерская проиграла. К этому добавим, что примеров, когда жильцы дома отстаивали свои права в имущественном споре, — считанные единицы. Победа ЖСК «Дружба-16» уникальна. Поздравляем Спартак Васильевича и всех жильцов дома! Спартак — чемпион!

О НАШЕМ СОБЕСЕДНИКЕ

Спартак Мишулин родился 22 октября 1926 года в Москве. Учился в артиллерийской школе в Анджеро-Судженске (1942). В 16 лет начал писать роман. Бумаги не было, и он использовал обратную сторону плакатов, старался писать крошечными буквами, чтобы больше уместилось. Один такой я видел — мельчайший текст был написан на плакате, где был изображен великий вождь. Именно за это он оказался в лагере. Там попал под трактор — сочли, что мертвый, понесли в морг. А он выжил и... организовал лагерный кружок самодеятельности. С него все и началось. После освобождения работал в Домах культуры деревень Брусово и Удомля Тверской области. Затем — Калининский и Омский драмтеатры. В 1960 году был приглашен сразу в три столичных театра — Ленком, ЦАТСа и Сатиры. Выбрав Театр сатиры, работает в нем до сих пор. Народный артист РСФСР. В течение семи лет возглавляет жилищный кооператив «Дружба-16».

понимаю, о чем речь. Постепенно врубаюсь: о том, что кооператив купил новые моторы для лифта, тоже на свои деньги. Осталось заменить кабины, оснастку. Но этого ждут от города.

— Повезло, получается, не только театру, где вы работаете, но и соседям, с которыми вы живете?

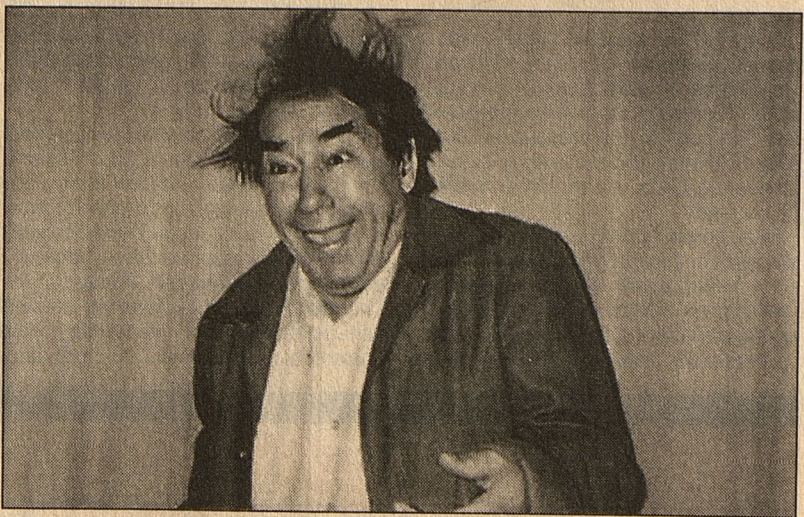
— Ну, уж, не знаю. Скажу только, каких усилий все это стоило. В свое время театрам цензура было пробить легче, чем сейчас решить какой-нибудь хозяйственный вопрос.

— Но ведь в доме столько уже сделано.

— В один день всему нашему благополучию может прийти конец. Я семь лет работаю председателем кооператива, и из них три года сужусь. У нас хотят отнять нежилые помещения, за счет которых мы и живем. Помещения, между прочим, которые в свое же время жильцы и оплатили. Наши помещения! Документы, подтверждающие это, сохранились не у всех кооперативов. Кто 20-30 лет назад думал о собственности? А я в строительном управлении все-таки разыскал авизо, где подтверждается именно наше право на помещения.

— А кто отнимает? Имущественный департамент?

— Там-то как раз меня поняли, сказали: «Да, это ваше». Но я не отстаивал. «Ваших слов, — говорю, — недостаточно. Вы подтвердите их, дайте бумажку». Чем сильна Россия? Бумажкой. Тогда и написали: «Колонны, остекление первого и второго этажей, лоджия

Мишулин Спартак

28.12.01